

Серия

ИСТОРИЯ
ЛЮБВИ
В ИСТОРИИ

Claude Dufresne

LES GRANDS
AMANTS

Клод
Дюфрен

*Великие
любовники*

УДК 82-94
ББК 85.14
Д97

Claude Dufresne. Les grands amants

*Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre*

*Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции (Национального центра книги)*

Дизайн — Александр Архутик

*В оформлении использовано:
— Людовик XVI. Фрагмент работы Мориса Кантена де ла Тура, 1748*

Дюфрен, Клод

Д97 Великие любовники / Пер. с фр. В. В. Егоров. —
М.: Этерна, 2012 — 400 с. — (История любви в истории).

ISBN 978-5-480-00240-9

Великие люди совершили деяния, принесшие им вечную славу. Многие из них неплохо проявили себя и в любовных играх. Несмотря на положение, известность, обязанности, они слушались веления своего сердца. Одни считают это слабостью, другие — чрезмерной любовью к жизни и женщинам.

Клод Дюфрен, историк, публицист, продюсер телевизионных передач, составил достойную галерею страстных любовников, среди которых Франциск I, Генрих IV, Людовик XIV, Виктор Гюго, Наполеон III, Оноре де Бальзак и др. Великие дела — великие страсти! Любовная жизнь знаменитых писателей и славных монархов, их чувственный «послужной список» показывает нам, что маленькой истории подчас не в чем завидовать большой.

УДК 82-94
ББК 85.14

ISBN 978-5-480-00240-9 (Россия)
ISBN 2-84-100256-X (Франция)

© 2001, Éditions Bartillat
© В. В. Егоров, перевод на
русский язык, 2012
© Палимпсест, 2012
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2012

Посвящается Кристиан Морен

ПРЕДИСЛОВИЕ

Их подвиги обеспечили им вечную славу, независимо от того, совершили ли они их на поле битвы, в литературе или поэзии.

Однако же не одними лишь этими подвигами объясняется, почему они вошли в историю на века: великие люди были, к счастью для них, открыты для страстей, поражений, чувств, свойственных всему роду людскому. Какими бы ни были их положение, известность, обязанности, они тоже подчинялись порывам души или импульсам желаний. Случалось, что именно эти порывы и желания оставались в памяти людей, а не их официальные деяния. Разве один из великих любовников, Людовик XV, не знаменит больше своими любовными похождениями, нежели политическими делами, которые были далеко не всегда удачными?

Не будем упрекать этих известных людей в том, что они, наряду с выполнением своих обязанностей перед страной, вели полноценную и бурную любовную жизнь. Ведь то, что разумные

люди считают признаками слабости, на самом деле доказывает силу темперамента, вкус к жизни. Под официальной оболочкой прославленного в учебниках истории героя зачастую скрывается трепетное, горячее существо, способное волноваться, радоваться и испытывать огорчения в повседневной жизни.

Мы решили проследить за любовными чувствами десяти из таких героев сердечных дел. Выбор, естественно, был произвольным, но они смогли оставить свой яркий след в истории, уделяя при этом большое внимание своей частной жизни. Они перечислены не в хронологическом порядке, и вот их имена: Виктор Гюго, Франциск I, Морни, Генрих IV, Мопассан, Людовик XV, Мюссе, Наполеон III, Бальзак, Людовик XIV. Все они — известные писатели или прославленные монархи, но их чувственный «послужной список» показывает нам, что любовной истории зачастую незачем завидовать великой.

К. Д.

I

ВИКТОР ГЮГО,
человек, «влюбленный в любовь»

Мне было дюжина годов, а ей — шестнадцать,
Она высокая была, я — ростом маленький,
Чтобы с ней вечером иметь возможность пообщаться,
Я ждал ухода матери, как паинька,
Потом садился рядом с моей заинькой,
Чтоб вечером с ней вволю пообщаться.

*Как много весен пронеслось с цветами!
Как много светочей могилы скрыли!
И вспомнит кто, что их сердца стучали?
Что розами они когда-то были?
Она меня любила, я — ее. Два чистых чада,
Она и я, два светлых лучика, два аромата.
Любовь молодая, рано ты увяла,
Заря для сердца, чувств моих рассвет!
Но, душу всколыхнув, меня очаровала.
Но с болью ночь пришла, и света больше нет,
Очнитесь же, сердца, что заблудились,
Чтобы цветы любви вновь распустились.*

В 1843 году, когда Виктор Гюго сочинял эти строфы из своей поэмы «Созерцания», он был уже известным писателем и человеком, имевшим все, включая счастье в любви. На этом поприще он продвигался со скоростью летящего в ад поезда. Однако сорокалетний мужчина, каким он был в ту пору, не забыл свои детские волнения. Именно они вдохновили его на написание этих стихов, в них он воспекает чувство к очаровательной белокурой девочке-подростку Лиз, с которой он встретился в Байонне тридцать лет тому назад. До чего же юный Виктор рано созрел! Это тем более удивительно, что Лиз не была самым соблазнительным существом из тех, что кишат на дорогах его Карты Нежности. Ведь он сам объявил об этом откровенно и с гордостью:

*...Нуждаться буду до последнего я дня
В том сердце, что пылает для меня.*

Это признание в нескольких строках выражает его предрасположенность к любовной жизни, предрасположенность... проявившуюся в четырехлетнем возрасте! В то время он ходил в школу на улице Мон-Блан — сегодня она называется Шоссе-д'Антен. Каждое утро по приходе его отводили в комнату дочери школьного учителя Розы. Она еще лежала в постели, а с его приходом вставала. Не обращая никакого внимания на мальчика, она надевала чулки. А он не пропускал ни секунды спектакля, который разыгрывался перед ним: вид этой очаровательной ножки, ножки маленькой женщины, навсегда запечатлелся в его памяти.

Стоит ли усматривать в этой предрасположенности к любовной жизни обстоятельства, предше-

ствовавшие рождению Гюго? Его родители после появления на свет двоих сыновей продолжали жить при видимой семейной гармонии, но 26 мая 1801 года майор Сигисбер Леопольд Гюго и его супруга София отправились на экскурсию в горный массив Вогезов. После двух часов ходьбы они достигли вершины горы Донон: перед их взорами расстилалась грандиозная панорама, а легкий ветерок обволакивал их опьяняющими лесными запахами. Леопольд увлек супругу в заросли кустарника... О том, что произошло дальше, догадаться совсем нетрудно. Так, в порыве плотской страсти был зачат один из величайших гениев Франции.

Увы, этот супружеский пыл имел продолжение. Софии очень скоро надоели галантные выходки мужа и роль курицы-наседки, которую он хотел ей навязать. Эта молодая бретонка была женщиной разумной и чувственной, она хотела испытывать волнение сердца, которые плохо совмещались с солдафонскими манерами майора Гюго. Тот, что вполне естественно, стал искать на стороне утех, какие не мог получить дома. Вначале это были просто мимолетные связи, затем он завел длительный любовный роман с одной девицей с богатым прошлым, Селестой Тома. Со своей стороны и София повстречала мужчину своих девичьих грез в лице молодого генерала по имени Виктор Лагори. София Гюго влюбилась в этого красивого мужчину высокого роста с элегантными манерами, что, к счастью, так резко контрастировало с манерами ее мужа. Но в такой классической ситуации Леопольд Гюго питал к генералу уважение и симпатию и ничуть не оскорбился тем, что новый друг зачастил с визи-

тами к его молодой жене. Вскоре служебная необходимость разлучила супругов. Муж был направлен служить в Марсель, а потом на Корсику. София получила возможность свободно выражать свои чувства, которые понемногу стали перерастать в страсть. Этой страсти суждено было подвергнуться испытаниям из-за политических событий. Лагори с юных лет был дружен с генералом Моро¹. Он некоторое время был соперником Бонапарта и поэтому неодобрительно следил за тем, как восходила звезда будущего императора. Зависть, естественно, вынудила его плести заговор против соперника, а Лагори поддержал друга в этом неосторожном мероприятии. Заговор провалился, их стали преследовать. Со всем пылом своей любви София встала на защиту любовника. Более того, она поставила под угрозу собственную свободу, когда укрывала его в своей квартире на улице Клиши. Именно в это время Виктор ходил в школу на улице Мон-Блан, где при виде юной Розы испытал свои первые плотские волнения.

Понятно, что при этих обстоятельствах София не спешила ехать к месту службы мужа. Леопольд к тому времени уже стал полковником и был назначен губернатором провинции Авелино в Неаполитанском королевстве. Этим продвижением он был обязан Жозефу Бонапарту, ставшему коро-

¹ Моро, Жан Виктор (1763—1813) — французский генерал, воевал с Суворовым, соперник Наполеона Бонапарта, был обвинен в заговоре против правительства, сослан и десять лет жил в Северной Америке. В 1813 г. по просьбе русского императора Александра I вернулся в Европу, в знаменитой битве под Дрезденом потерял обе ноги. Похоронен в Санкт-Петербурге.— *Здесь и далее прим. ред. серии.*

лем Неаполитанским милостью своего брата, всемогущего императора. Когда Лагори пришлось бежать из Парижа, ничто больше не удерживало Софию в столице, и она с тремя сыновьями направилась в Италию. Но дело было в том, что полковник Гюго вовсе не желал видеть рядом свою жену: он имел под рукой девицу Тома, которая охотно выполняла обязанности «мадам Гюго». Однако полковник был порядочным человеком и любил своих сыновей, поэтому временно удалил любовницу и распахнул двери своего дома перед семейством. Для маленького Виктора, к тому времени ему уже исполнилось пять лет, поездка в Неаполь стала незабываемой, он получил массу впечатлений, которые позже отразил в некоторых поэмах и рассказах. Он восхищался своим отцом в блестящей военной форме, «героем с нежной улыбкой», который рассказывал ему истории о битвах и заронил в душу мальчика первые мечты о величии.

В Неаполе семейство Гюго завело друзей — семью Фуше. У тех было двое детей: Виктор и Адель. Адель было всего четыре года, поэтому Виктор не уделял ей особенного внимания. Он даже не предполагал, что в будущем она станет его женой, мадам Виктор Гюго.

Несмотря на юный возраст, трое мальчиков прекрасно понимали, что семейная жизнь родителей дала трещину, и они не без грусти вынуждены были расстаться с отцом, чью нежность им не удалось испытать в полной мере.

Жозеф Бонапарт, по-прежнему выполняя волю брата, поменял неаполитанский трон на престол короля Испании и настоял на том, чтобы при нем оставался полковник Гюго, чьи достоинства он ценил весьма высоко.

А Софии пришлось возвращаться в Париж со своими отпрысками. Недалеко от Валь-де-Грас, в тупике Фейянтин, она сняла просторную квартиру, главным достоинством которой было то, что она выходила в большой сад. Этот сад стал земным раем для трех сорванцов, «девственным лесом детства», и им была предоставлена полная свобода... «Я снова вижу себя ребенком, смешливым и свободным школьником, бегающим со смехом с братьями по большой зеленой аллее сада...» — с нежностью вспоминал об этих временах Виктор Гюго.

В саду находилась старая полуразрушенная часовня, она была заселена птицами и заросла цветами. Но почему София запретила сыновьям к ней приближаться? Они вскоре выяснили причину этого: в часовне тайно жил некий «господин де Курланде». Это был, как вы уже догадались, не кто иной, как Виктор Лагори. Отважная София, невзирая на риск, оставила при себе любимого мужчину. Как только мальчишки узнали эту тайну, Лагори перестал прятаться и стал принимать участие в жизни семейства. С мужеством, зачастую свойственным детским душам, трое мальчиков встали на сторону изгнанника. Они догадались о глубине чувств, которые связывали его и милую мамочку, и поэтому тоже проявили к нему расположение. Мальчишки обеспечивали его безопасность, когда к ним приходили гости. Два человека навещали их постоянно, это были дети Фуше, чьи родители также вернулись во Францию. Виктор продолжал относиться к Адель с высокомерной снисходительностью: она была слишком мала, чтобы вызвать у него интерес. Его чувства принадлежали девочкам намного старше его, мы вскоре сможем в этом убедиться.

Лагори прожил в Фейянтин полтора года. Он мог бы продолжать жить там в безопасности, если бы жажда деятельности не вынудила его совершить неосторожный поступок. В июне 1810 года вместо Фуше министром внутренних дел был назначен Савари¹. Тот был давним приятелем Лагори. Кроме того, Наполеон готовился жениться на австрийской эрц-герцогине и войти, таким образом, в семейство наследных королей. Лагори решил, что настал подходящий момент, чтобы выйти из подполья. Когда он рассказал о своем намерении Софии, та выразила сомнение и попыталась отговорить его от визита к новому министру. Но Лагори не смог сдержать своего нетерпения и все-таки отправился к Савари, ничего не сказав молодой женщине. Министр встретил его по-дружески.

По возвращении на улицу Фейянтин, Лагори с видом триумфатора рассказал Софии о своем визите, та очень обеспокоилась... и оказалась права: утром следующего дня к ним явились двое полицейских. Они увели несчастного генерала, даже не дав ему одеться.

И тогда произошло событие, которому суждено было снова перевернуть жизнь Софии и троих ее детей. Пока она оплакивала судьбу любовника, ей принесли письмо из Испании: ее муж был произведен в генералы. Король взял на себя труд

¹ Савари, Анн Жан Мари Рене (1774—1833) — французский генерал, пользовался доверием Наполеона, сопровождал его в военных походах, с 1810 по 1814 г. — министр внутренних дел Франции. После второго отречения императора был приговорен к смерти и вынужден бежать из страны. Добился своего оправдания в 1819 г. и вернулся на родину. Один из организаторов колонизации Алжира.

направить к мадам Гюго эмиссара с задачей привезти ее в Мадрид. Дело было в том, что королю надоело наблюдать за порочной связью одного из своих высших чинов с девицей Тома. Та в своей наглости дошла уже до того, что стала называть себя графиней де Салькано, поэтому король потребовал, чтобы законная супруга приехала в Испанию и заняла положенное ей место. Эта перспектива ничуть не привлекала Софию, но ей пришлось подавить личные чувства во имя интересов сыновей. Она подумала и решилась, что все-таки поедет в Байонну, где ее и сыновей будет ждать конвой, который доставит их в Мадрид. Для Виктора эта поездка стала открытием, сильные впечатления навсегда остались в его памяти и потом нашли свое выражение в стихах. Но особенно ему запомнилось проживание в Байонне. Там он встретил Лиз, девочку-подростка, чей ангельский профиль он воспоет спустя тридцать лет. Но не только этот профиль взволновал ребенка, ему в то время было девять лет от роду. Когда она читала ему книги, он восхищался юной округлой и загорелой грудью девочки, которая поднималась и опускалась на самых волнительных местах книги. Стоит ли удивляться тому, что в этих обстоятельствах он слушал рассказ очень невнимательно. Лиз это замечала и обижалась:

«В эти моменты случалось, что она вдруг поднимала от книги свои большие голубые глаза и спрашивала меня: “Так, Виктор, ты меня не слушаешь?..” Я краснел и начинал дрожать. Я никогда сам не целовал ее, она сама подзывала меня и говорила: “Ну, поцелуй же меня!..” Байонна осталась в моей памяти золотым местом... Именно там в самом темном уголке моей души заро-

дился первый невыразимый словами лучик божественной зари любви...»¹

Какое откровенное признание сердца, так рано пробудившегося для подобных чувств! Покидая Байонну и Лиз, он несколько дней чувствовал «отчаяние»... пока не повстречал Пепиту. Ей было шестнадцать лет, она была дочерью маркизы Монте-Гермозо, одной из любовниц короля Жозефа. Девочка обладала всеми прелестями, если судить по тому, что написал о ней поэт спустя шестьдесят лет:

*Все это: бархат болеро лазурный,
И кружев белых ворот на плечах,
И юбки озорной муар пурпурный
Со мной кружили в золотых лучах.
Почти что взрослой женщиной была
Моя любовь Пепита в танце том,
И сердца моего стук различить могла
Под бархатом прикрытым локотком.*

Дворец Муссерани с его чрезмерной, чисто испанской пышностью очаровал троих сыновей Гюго. К несчастью, их отец был совсем не рад внезапному приезду супруги. Потребовалось властное вмешательство Жозефа Бонапарта, чтобы он отказался от мысли подать на развод и согласился с тем, чтобы два младших сына, Эжен и Виктор, не оставались в колледже, куда он их запер. Они должны были вернуться во Францию вместе с матерью. А старший сын, Абель, остался с отцом. Таким образом, прощай, Пепита! Прощай, жизнь в испанском замке!

¹ Виктор Гюго. Пиренеи.

Но в ожидавшей Софию и двоих ее сыновей парижской жизни не было ничего радостного. Им пришлось сократить расходы, покинуть дом на улице Фейянтин и поселиться в более скромном доме на улице Вьей-Тюильри¹. Потом и Лагори, которого уже почти ждала амнистия, прикнул к бессмысленному заговору генерала Малле², за что ему пришлось заплатить жизнью. София так и не смогла забыть единственного мужчину, которого она любила. По настоянию мужа ей пришлось поместить Эжена и Виктора в пансион. Оба мальчика, в особенности Виктор, поражали учителей широтой своих познаний. Виктор бегло читал по-латыни и по-гречески, а по вечерам сочинял стихи, а темы ему подсказывало богатое воображение. Он складывал стихи на любую тему, но чаще всего на вечную тему женщин. Как следствие этого, он влюбился в аппетитного вида замужнюю женщину, супругу генерала Люкотта. Семейство Гюго познакомилось с ней в Испании. Когда военная судьба вы-

¹ Сегодня улица Шерш-Миди.

² Это была странная попытка переворота: генерал Малле, находившийся под арестом в тюрьме, тайно бежал из нее 7 октября 1812 г., явился к начальнику 10-й когорты национальной гвардии полковнику Сулье и объявил о смерти Наполеона, учреждении нового правительства и приказал передать ему командование над когортой. Полковник Сулье поверил ему и передал командование. Малле ночью при свете факела зачитал солдатам ложные бумаги, и тысяча двести человек послушно последовали за ним. Генерал освободил из тюрьмы своих товарищей Лагори и Гидаля. Но один полицейский инспектор узнал в нем заключенного и приказал схватить. Когда Наполеон узнал о случившемся, сказал: «Так вот от чего зависит власть моя?! Она очень шатка, когда один человек, заключенный в тюрьму, может ее потрясти!»

нудила короля Жозефа отречься от трона, генеральше пришлось вернуться во Францию, где она поселилась в доме на улице Вьей-Тюильри. Какое счастливое совпадение! Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы Виктор решил, что в нее влюблен. Целых два года он писал ей стихи, а кокетливая мадам Люкотт не осталась глуха к биению сердца этого Керубино. Но эта история осталась лишь в стихах, о чем Гюго очень сожалел:

*Милая юность! Счастливые дни! Я вас любил, Мадам,
И глупо вас боготворил в тиши,
В плен ваших локонов моей попавшейся души
Я взмахи чувствовал отчаянные крыл.
Как были вы прекрасны, как я безумен был!*

Писавший эти строки чувственный восьмидесятилетний мужчина должен был кусать себе пальцы оттого, что не смог сорвать плод, вовсе не казавшийся запретным. Это было, по его собственному признанию, глупостью, тем более что волнения сердца теперь дополнялись зовом плоти. В его воображении, очень богатом, возникало тело женщины, о котором он еще ничего не знал. Естественно, мальчик старался иногда «проверить» лично, насколько верны его предположения, но тогда, в 1816 году, ему было всего четырнадцать лет! Чтобы «углубить» свои познания, он нашел довольно-таки оригинальное решение — стал жадно разглядывать на аллеях Люксембургского сада... статуи богинь и нимф:

*Я был задумчив и глубок, я был простак.
Как я глядел и упивался этим как!*

*Кем? Да Венерой, Афродитой, нимфою охоты,
И ласки чувствовал весенней я природы...
О, женищина, загадка, ну, так кто ты?
Бывал я похотлив от чистоты
И взглядом пожирал тела нагие
Богинь, что вдаль на летних листьях плыли,
А я, глупец, смотрел на пьедестал
И ждал, когда ж поднимет ветер озорной
Все юбки мраморной Дианы предо мной.*

Да, ему пришлось ждать еще много лет того момента, когда Диана поднимет для него свои юбки, но с того самого дня она не захочет их опускать! И звалась ли она Жюльеттой, Леонией, Евой, Мари, Юдит, Бланш или Сарой, все они для Виктора будут иметь глаза Венеры...

В ожидании праздника чувств и сердца подросток прозябал в пансионе, куда его с братом поместила воля отца. К счастью, у него была поэзия. Никакая тюрьма, никакой пансион не смогли бы удержать в своих стенах воображение, которым обладал Виктор. Он послал свои стихи в Академию в Тулузе и победил в конкурсе «Игра цветов». В семнадцать лет он начал восхождение к славе. «Я хочу стать Шатобрианом или ничем...» Эти слова, произнеси их кто-то другой, могли бы быть расценены как наглость, но они были продиктованы рано пробудившимся талантом молодого поэта. София после развода с мужем добилась того, чтобы дети остались с ней, поэтому Эжен и Виктор покинули пансион и начали изучать право. Но на самом деле они его так и не выучили, поскольку обоим страстно влекла к себе литература.

На улице Вьей-Тюильри семейство Гюго снова встретилось с семьей Фуше, оказавшейся их

соседями. Они встретились и с Адель. Неужели эта красивая семнадцатилетняя девушка с золотистой кожей, длинными черными волосами, с красными и сочными, как соблазнительный плод, губами была той самой маленькой Адель, на которую Виктор когда-то смотрел покровительственным взглядом? Увидев ее, Виктор сразу же вспомнил о юной испанке Пепите, волновавшей его воображение в двенадцать лет. Но Пепита теперь была всего лишь далеким воспоминанием, мимолетным видением, а Адель была рядом, перед ним. Сердце ее стучало, плоть волновалась, она была как только что распустившийся цветок, чей аромат уже опьянял начинающих поэтов Виктора и Эжена. Мадам Гюго и ее сыновья часто вечерами наведывались к своим друзьям Фуше. И пока дамы вместе с Адель занимались вышивкой, оба юноши делали вид, что читали, но взоры их постоянно были прикованы к девушке. Та в ответ часто поднимала голову от рукоделия, и глаза ее встречались с взглядом Виктора. К большому огорчению, Эжен понимал, что предпочтение отдавалось младшему брату... Это было сладостное и волнительное время зарождения любви, когда вздохи заменяют слова, когда взгляды наполнены признанием, когда молчание намного красноречивее разговоров... И потом, в один прекрасный день, в дело вмешался случай и помог влюбленным. Случай выбрал для этого сад семейства Фуше:

«...Она побежала от меня. Я помчался за ней. Она бежала впереди, ее пелерина время от времени поднималась от бега, и я мог видеть ее загорелую молодую спину. Я был вне себя. Я поймал ее недалеко от старого источника и схватил ее за

пояс на правах победителя. Она не сопротивлялась, тяжело дышала и смеялась. Я же был серьезен и глядел в ее черные зрачки... “Давайте присядем,— сказала она,— и что-нибудь почитаем...”

...Она прижалась плечом к моему плечу, и мы начали читать вместе вполголоса одну и ту же страницу. Однако головы наши соприкасались, волосы смешались, лица стали постепенно сближаться, и вдруг наши губы... Когда мы решили продолжить чтение, на небе уже зажглись звезды.

“Мамочка,— сказала она, когда мы вернулись в дом,— знаешь, как мы набегались!” Я хранил молчание. “Ты ничего не хочешь мне сказать? — спросила меня мать,— у тебя такой грустный вид”.

Но в моем сердце был рай. Этот вечер я буду помнить всю жизнь... Всю мою жизнь...»¹

Хотя Адель и была молода, ее жизненные принципы не позволяли ей совершать безумные поступки, пусть даже она и была влюблена. Однако девушка не была намерена вечно сдерживать биения сердца. Адель решила устроить свою любовь и однажды, когда они остались наедине, спросила Виктора: «У тебя должны быть тайны. Есть ли среди них самая главная?» Молодой человек кивнул, и Адель продолжила: «У меня тоже... Так вот, слушай, открой мне свою самую большую тайну, и я открою тебе свою». — «Самая моя большая тайна в том,— сказал Виктор,— что я тебя люблю». — «А моя самая большая тайна, что я тоже тебя люблю»,— объявила Адель.

Эти признания прозвучали 26 апреля 1819 года. Влюбленные были застенчивы и разумны, будущее виделось им только в семейном свете.

¹ Виктор Гюго. Последние дни приговоренного к смерти.

Кстати, оба только об этом и мечтали. В этих условиях можно было предположить, что перед ними открывалась широкая дорога к счастью. Однако перед ними встали непредвиденные трудности. Некоторые будут улыбаться, поскольку эти трудности были следствием ревности Виктора, который любил ее со строгостью, с жадной чистотой, что удивительно, поскольку мы знаем, каким была затем любовная жизнь поэта. Хотите пример недовольства господина Гюго? Вот вам один из них:

«Моя дорогая Адель... Я хочу, чтобы ты не так сильно опасалась испачкать платье, когда ходишь по улице... Мне думается, что стыдливость намного ценнее платья. Не могу даже сказать, какие муки я испытал вчера на улице Святых Отцов при виде той, кого я уважаю, ставшей предметом нескромных взглядов. Обрати внимание на мои слова, если не хочешь заставить меня дать пощечину первому же нахалу, который посмеет бросить взгляд в твою сторону...»

Целая история из-за едва приоткрытой щиколотки! Он тем более нервничал, наш добрый Виктор, что сам был во власти демона желания. Когда он был рядом с Адель, когда вдыхал запахи ее кожи, ему было очень трудно сдерживать позывы своей плоти.

Но это были еще пустяки, существовало гораздо более серьезное препятствие: родители Адель, естественно, очень скоро заметили взаимное влечение молодых людей. Но не нашли в этом ничего плохого. Скорее наоборот, ведь Виктор был сыном их хороших друзей. И посему 26 апреля 1820 года господин и госпожа Фуше пришли к Софии, чтобы узнать, каковы планы ее

сына в отношении их дочери. Это было катастрофой! София очень любила семейство Фуше, но не разрешила любимому сыну жениться на юной Адель, на дочери простого бюрократа. Не будем забывать, что он — сын генерала, графа Гюго! Пусть даже этот генерал сожительствовал с любовницей, пусть сама графиня Гюго несколько лет поддерживала незаконную любовную связь, но ведь это был совершенно невозможный мезальянс. И мать вынесла категоричный приговор: Виктор никогда не женится на Адель!

Но кто сможет помешать встречаться двум любящим людям. Что касается Адель, то она, послушная воле «мамочки», смирилась со своей участью. Но Виктор был не из того теста, из которого пекутся послушные мальчики. Ему было запрещено ходить к Фуше, но из его дневника мы видим, что он продолжал тайно встречаться с девушкой: «Свидание на улице Дракона, на улице Эшоде, на улице Старой Голубятни, в Люксембургском саду...» Такое количество свиданий говорило о незыблемости любви Виктора. Но тут случилось неожиданное событие: в июне 1821 года София простыла и спустя несколько дней умерла, оставив сыновей в отчаянии... К тому же она оставила им свои долги. Как только генерал Гюго стал вдовцом, его первым же желанием было жениться на Селесте Тома. Псевдографиня Гюго прождала целых восемнадцать лет, прежде чем стала настоящей графиней.

Семейство Фуше выразило свои соболезнования, но поскольку они не желали, чтобы их дочь продолжала встречаться со своим возлюбленным, они сняли летний домик в Дре. Этот горо-

док находился в двадцати пяти лье от Парижа, а, главное, билет на дилижанс стоил двадцать пять франков. Виктора такие мелочи не остановили, и он отправился туда пешком!

Встретив его на одной из улиц городка, Адель не поверила своим глазам. А Пьер Фуше был человеком добрым, его тронуло такое постоянство, и Виктор был принят. Однако дата свадьбы по-прежнему не была назначена: Виктор был замечен королем, которого он прославил в нескольких стихах, и ждал обещанного содержания, без него он и не мыслил жениться. Надо было также добиться согласия на брак от генерала Гюго... Короче говоря, эти проволочки только распалили любовный пыл влюбленного юноши, он жил в абсолютной чистоте, и это очень ценила та, которую он столь страстно желал:

«Я считал заурядной женщиной девушку, готовую выйти замуж за мужчину, не имея при этом моральной уверенности в том, что он не только умен, но и, выражаясь в полном смысле этого слова, целомудрен, так же целомудрен, как и она сама...» — писал он.

Именно таким Виктор и пошел под венец 12 октября 1822 года. Но с первой брачной ночи он стал творить в постели чудеса, чтобы наверстать упущенное время. Его знаменитая мужская сила позволяла за ночь идти на приступ по девять раз! Эту цифру он называл сам.

Что могла подумать Адель, невинная Адель, о такой страсти? Эта необузданность проявлялась каждую ночь и нашла свое видимое отражение в пяти беременностях за несколько лет.

Виктор обладал вулканическим темпераментом, который, несомненно, унаследовал от своего отца, а Адель больше нравились сердечные радости, нежели плотские утехи. Видимо, постельные подвиги мужа скоро утомили ее и даже отдалили от Виктора. Еще не осознавая этого, она почувствовала себя далекой от этого страстного человека. Чувствам ее так и не суждено было проснуться, и молодая жена не поняла и не приняла требовательности мужа в отношении исполнения супружеского долга.

Все это сформировалось потом, а на следующий день после свадьбы семейное счастье казалось безоблачным. Счастливый тем, что наконец-то получил возможность обладать женщиной, за которой так долго ухаживал, Виктор Гюго мог бросить все силы на завоевание славы, и для этого уже были основания: его «Оды»¹ получили признание публики, и узкий мирок литераторов начал с уважением относиться к этому юноше. На семейном фронте тоже все начало устраиваться. Новая графиня Гюго делала авансы сыновьям мужа, те с готовностью пошли ей навстречу, к удовольствию генерала. В отношениях между двумя семьями царила почти полная гармония, которая еще более упрочилась после появления наследников Виктора. Единственным облачком на этой идиллической картине был бедный Эжен. Он уже давно проявлял признаки душевного расстройства, а женитьба Виктора на Адель стала своего рода детонатором. Эжен продолжал тайно любить Адель и не смог перенести того, что она принадлежит другому

¹ Виктор Гюго. Оды и разные стихотворения (1822).

мужчине. Вследствие чего во время свадебного ужина с ним случился приступ безумия. Вскоре его пришлось поместить в психлечебницу. К сожалению, это было не единственной трагедией, которая произошла в жизни поэта. Но в его натуре был такой мощный источник жизненных сил, что при каждом новом испытании он начинал бить еще активнее, чем раньше.

В этой книге мы не ставим целью рассказать о чудесной карьере Виктора Гюго. Мы хотим показать связь творчества поэта с его чувственной жизнью. В начале его восхождения к славе именно Адель вдохновляла его и разжигала честолюбие. По случаю коронации Карла X в Реймсе в 1825 году Виктор проделал первый из тех политических «пируэтов», которые потом были свойственны ему по жизни. «Ода на коронацию» красноречиво отражала настроение сына генерала-бонапартиста. За нее, помимо пенсии, он получил орден Почетного легиона в возрасте двадцати трех лет. Потом успех стал сопровождать его постоянно, и это было результатом его таланта. Написанные затем «Кромвель» и «Восточные мотивы»¹ укрепили репутацию юного поэта. В них стыдливо упоминалось присутствие рядом с ним Адель:

*Люблю тебя, как существо, с небес сошедшее,
И как создание, богами вдохновенное,
Как робкую сестру, к моим порокам снизошедшую,
Как позднее дитя, на склоне лет рожденное...*

¹ Виктор Гюго. Кромвель (1827, драма); Восточные мотивы (1829, поэтический сборник).

Один молодой критик из журнала «Глоб», по имени Сент-Бев¹, написал на эти оды критическую статью, которая была одновременно похвальной и деловой. Он, в частности, увидел в стихах Гюго волнительное присутствие его супруги. В благодарность за это Виктор пригласил его к себе в небольшую квартиру на улице Вожирар, где в то время проживала семья. Сент-Бев тем более охотно откликнулся на приглашение, поскольку и сам жил на улице Вожирар.

С этого дня он стал одним из самых частых гостей в их доме. Виктор радовался его визитам, наслаждался изысканными разговорами, большой образованностью этого маленького человека, который был на два года моложе его и отнюдь не красавцем. Уже взойдя на пьедестал, Виктор охотно принимал покровительственный вид и наслаждался восхищением, которое, как он считал, внушал этому критику. Он не мог даже предположить, что молодой писатель зачастил на улицу Вожирар вовсе не ради него, а ради Адель. Долгое время он осмеливался бросать на молодую женщину лишь тайные взгляды, но мало-помалу осмелел. Очень часто, когда Виктор не было дома, Сент-Бев забегал по-соседски и в ходе долгих разговоров с Адель открывал с восхищением ее душу... Когда мужа не было, а возможно, еще лучше, когда он был дома... Так продолжалось то того дня, когда семейство Гюго переехало в более просторную квартиру на

¹ Сент-Бев, Шарль Огюст (1804—1869) — французский критик и поэт, основатель психологической критики, придавал большое значение биографическим деталям, мемуарам, дневникам. Отсюда его метод получил название «биографический».

улице Нотр-Дам-де-Шам. Сент-Бев последовал за ними и снял квартиру недалеко от Адель. Каждое утро из своего окна он наблюдал за уходом Виктора из дома, и, когда тот удалялся, он приходил к его жене. Молодая женщина принимала его с возраставшим удовольствием. Брак, в том виде, в котором он сложился, разочаровал ее, она устала от родов, ставших следствием полового геройства Виктора, она ждала праздника сердца больше, чем любого другого праздника. И поэтому молодая мадам Гюго начала делиться своими секретами с этим верным другом, чувствуя, что он понимает состояние ее души. Друг старался не разочаровывать ее. Несмотря на то что его снедала невысказанная страсть, он принял игру Адель, потому что тоже был не понят, тоже несчастен, одинок в этом материальном мире... Эти речи возбуждали и очаровывали молодую женщину. Для женщины несчастный мужчина подобен редкой дорогой птице.

Постепенно разговоры наших героев стали перерастать в более близкие отношения. Иногда они гуляли вместе. Это были сладостные прогулки, наполненные красноречивыми вздохами и многозначительным молчанием. Адель, оставаясь невинной, не понимала пагубности этих контактов, а Сент-Бев постоянно укреплял свои позиции.

А что Виктор? Он ни о чем не подозревал. Он оказался в классической ситуации мужа, который последним узнает о своем несчастье. Действительно, как он мог предположить, что его чистая, невинная Адель могла слушать любовные признания другого мужчины? Как он мог понять, что она несчастна в то время, когда он все

делал для того, чтобы сделать ее счастливой? Да и нам трудно понять, как эта молодая женщина, едва вышедшая из подросткового возраста, получившая воспитание, не допускавшее шуток в отношении моральных принципов, смогла предпочесть столь невзрачного типа гению, с которым жила. Но не в этом ли глубокий смысл ее поступка? Адель была подавлена личностью своего спутника жизни и одновременно испугана его любовными запросами. Она больше не могла отвечать им, не поднявшись на их высоту. Ей хотелось меньше величия, меньше успеха, меньше честолюбия. Родившаяся в мелкобуржуазной семье, Адель и сама была простой женщиной.

Виктор, не понимая до конца причин этого, чувствовал, что Адель постепенно отдаляется от него, и от этого страдал. И поскольку стыдливость запрещала ему в этом признаться, он исповедывается в своих стихах:

*Страдаю я. Но почему я это говорю?
Ведь траур вправе лишь частично открываться.
Молчу, душа, как и звезда, в тени желает оставаться,
И боль мою в себе я сохраню.*

Да, Виктор страдал. Но, стремительно восходя по ступенькам славы, он не мог посвятить страданиям много времени. Он только что написал пьесу, которая легла первым камнем в монумент его величия,— «Эрнани»¹. Это было нечто большее, чем он сотворил до этого. «Эрнани» стала не просто театральной пьесой, а произведением, заложившим основу нового способа театрального

¹ Виктор Гюго. Эрнани (1829).

выражения, она вызвала волну спорных суждений и восторга. Дни перед премьерой подошли на ночь накануне сражения. Подготовка к неизбежному сражению сблизила супругов. Почувствовав запах пороха в квартире на улице Нотр-Дам-де-Шам, Адель вылезла из своего кокона, разделила возбужденное состояние мужа, присоединилась к приготовлениям к битве. Сент-Бев с горечью увидел, как возродилось взаимопонимание супругов, но ему пришлось грызть удила в тиши. Наконец, 25 февраля 1830 года жребий был брошен. Аплодисменты восхищенной публики перекрыли свист старой гвардии, которая была беспомощна перед рождением гиганта.

С приходом большого успеха семья стала жить богаче, но продолжала распадаться. Возбуждение от «битвы за “Эрнани”» спало, и повседневная жизнь безжалостно продолжила свое дело. 18 июля 1830 года Адель произвела на свет своего последнего ребенка, девочку, названную, как и она, Адель. Под предлогом, что она больше не желает иметь детей, супруга запретила Виктору переступать порог спальни. Тогда он узнал истинную природу чувств Сент-Бева к его жене и, разумеется, то, что Адель отвечала ему взаимностью. От мужчины, который за несколько лет до этого становился дыбом при мысли о том, что порыв ветра мог обнажить лодыжку его возлюбленной, можно было ожидать взрыва негодования, насилия... Но ничего подобного не произошло. Он, наоборот, постарался окружить соперника вниманием, чтобы помешать наступлению неизбежного во имя этой дружбы. И снова муза выразила охватившую его печаль:

*Мне, счастливому, мудрому, помогите укрыться,
Чтоб смогли вместе с вашими мои слезы пролиться...
Было мне восемнадцать, я мечтаньями жил,
Убаюкан надеждой, верить лжи поспешил.
И звезда мне светила сиянием белым,
Себя богом считал, был отчаянно смел,
Но, увы, был тогда я ребенком незрелым,
За которого взрослым, бывало, краснел.*

Это были последние стихи, на которые Виктор вдохновила Адель. С той поры в своих стихах, вспоминая о ней, он прославляет подругу, мать, спутницу в счастье и горе, но никогда больше как нежно любимую женщину, страстно желанную любовницу. В 1831 году еще не стихли восторженные отзывы по поводу «Эрнани», а уже приближался успех «Собора Парижской Богоматери»¹. Но этот успех на профессиональном поприще совпал с неизбежным разрывом супругов. Если верить великолепной книге Андре Бильи, которую он написал о Сент-Беве, то именно в сентябре «маленький человечек» познал наконец высшее блаженство. «Сент-Бев,— пишет Бильи,— казалось, добился от Адель того, о чем так страстно просил целых два года путем вздохов и стенаний...» Письма Адель к Сент-Беву подтверждают его слова: «Вы ничем не обязаны мне за то, что я вам дала,— писала она,— только я могла принять решение отказать вам...» Хотите еще один образчик любовной прозы мадам Гюго? Вот этот ясно говорит об успехе Сент-Бева: «Если бы я могла пролить мою кровь по капле, чтобы сделать из них для тебя живой щит, я не стала бы ни минуты колебаться...»

¹ Виктор Гюго. Собор Парижской Богоматери (1831).

Адель не ограничивалась словами, она предоставила своему «милому ангелу», как она его называла, свой кошелек, чтобы он снял укромный уголок для их любовных свиданий. Писатель принял эти деньги, зная, что их ей дал муж, только потому, что был беден и жил вместе с матерью. Этот дом вовсе не годился для наслаждений с замужней женщиной. Но все равно этот поступок показывает этого человека в неприглядном свете.

Известна ли была поэту вся глубина его несчастья? С уверенностью ничего сказать нельзя. Конечно же он знал, что жена испытывала чувственное влечение к сопернику, но в его глазах Адель все еще продолжала оставаться умной девочкой, и он отказывался верить, что она сможет перейти Рубикон.

Однако...

В то время когда лодку семейства Гюго трепала буря неурядиц, корабль королевской власти также был во власти политических штормов. Продемонстрировав удивительное незнание Франции и французов и неспособность выработать стратегию дальнейшего развития государства, Карл X уступил трон своему кузену Луи Филиппу Орлеанскому, чтобы не допустить установления республиканского строя, к которому страна еще не была готова. Смена режима предоставила поэту случай в очередной раз проявить образец политической изворотливости: из легитимиста он сразу же превратился в орлеаниста. Если говорить честно, то эта метаморфоза происходила поэтапно, но спустя несколько лет Виктор стал одним из любимцев новой власти. В это же время к доходам драматурга добавились доходы писателя, семья окончательно забыла про стесненный в деньгах образ жизни,

о чем свидетельствовал ее переезд в большую шикарную квартиру на площади Руаяль — теперь она называется площадью Вогезов. Сент-Бев тоже переехал, сняв комнату в гостинице «Сент-Поль», что давало Адель возможность приходить к любовнику пешком, едва только муж отлучался из дома.

Нет никакого сомнения в том, что Виктору ее похождения были известны, но он все-таки понимал, что теперь не сможет вновь завоевать сердце жены. И тогда он, естественно, начал более внимательно поглядывать на других женщин. А уж женщин-то вокруг него увивалось огромное количество, начиная с актрис, которые играли в его пьесах или пьесах собрата по перу и личного друга Александра Дюма. Так, в один прекрасный день 1838 года он встретил Жюльетту Друэ¹:

*Она жар-птицей яркой мимо пролетала,
Сама не ведая того, сердца людей воспаляла,
Во взглядах тех, что на нее бросались,
Восторг мужчин и восхищение читались!
Ты созерцал со стороны, боясь к ней обратиться,
Ведь бочка с порохом любой искры боится.*

Да, Виктор был восхищен ею с первой встречи, но опасался ее: таковым было буржуазное предубеждение в отношении актрис. К тому же он только что познал глубокое разочарование в отношениях с Адель, и это никоим образом не вдохновляло его довериться первым же глазам, которые встретились с его взглядом.

¹ Друэ, Жюльетта (наст. имя Жюльенна Говен) (1806—1883) — французская актриса, играла почти во всех пьесах В. Гюго.

Они с Жюльеттой повстречались классическим образом, как автор и актриса. Арель, директор театра у ворот Сент-Мартен, принял для постановки новую пьесу Виктора «Лукреция Борджиа»¹. Любовницей директора была мадемуазель Жорж², прекрасная актриса, бывшая звезда «Комеди Франсез», а главное, бывшая любовница Наполеона, что навечно прославило ее. Именно она должна была играть роль Лукреции Борджиа. Мадемуазель была уже далеко не молода, но сама так не считала, что для актрис было главным. Ее партнером был уважаемый всеми Фредерик-Леметр³. При распределении ролей присутствовала высокая девушка двадцати шести лет поразительной красоты. Когда автор читал пьесу, его глаза несколько раз повстречались со взглядом молодой женщины. То, что он прочел в ее глазах, сразу же очаровало его. Гюго захотел узнать о ней все, но услышанное несколько его насторожило: у Жюльетты Друэ было, как говорится, бурное прошлое. Она родилась в бретонской семье и почти сразу же после рождения потеряла родителей. Ее отдали в пансион при монастыре бенедиктинок, она уже подумывала о пострижении, что было очень не-

¹ Виктор Гюго. Лукреция Борджиа (драма, 1833).

² Мадемуазель Жорж (наст. имя Маргарита Жозефина Веммер) (1787—1867) — знаменитая французская трагическая актриса, была любовницей Наполеона Бонапарта.

³ Фредерик-Леметр (наст. имя Антуан Луи Проспер Леметр) (1800—1876) — французский актер, крупнейший представитель демократического романтизма и зачинатель критического реализма во французском театре, вместе с М. Дорваль и П. Божажем осуществил реформу сценического искусства.

разумно при ее внешности. Не имея других средств для жизни, кроме своей красоты, она выставила ее напоказ, позируя в ателье скульптора Жана Прадье¹, который очень увлекся натурщицей, и у них родилась дочь! Но дочку он официально не признал, на матери не женился, зато взял обеих на содержание. Потом в жизни Жюльетты были и другие мужчины, последним из которых оказался князь Демидов², поселивший ее в шикарной квартире на улице Эшикье.

Все это не очень беспокоило молодого буржуа, каким в душе оставался Виктор Гюго. Однако это прекрасное создание, такое чувственное и нежное, эта сиротка, предоставленная самой себе, это одинокое дитя оказалось наполненным богатым внутренним содержанием, теплотой чувств, человеческими качествами, которые намного превосходили мадам Гюго. Более того, ей суждено было сыграть в карьере этого великого человека роль постоянной вдохновительницы, страстной обожательницы, увлеченной читательницы. А эту роль законная жена играть не пожелала. Встреча с Виктором произошла как нельзя кстати для них обоих: поэт продолжал испытывать потрясение от измены Адель, а Жюль-

¹ Прадье, Жан Жак (1790—1852) — французский художник и скульптор швейцарского происхождения, был профессором в Школе изящных искусств, регулярно принимал участие в парижских Салонах.

² Демидов, Анатолий Николаевич (1813—1870) — русский дворянин, князь Сан-Донат. Именно он купил у Жана Прадье скульптурную группу «Сатир и вакханка», которая в 1834 г. вызвала скандал, поскольку многие увидели в персонажах сходство с самим скульптором и его любовницей Жюльеттой Друэ.

етта мечтала встретить мужчину, который смог бы «приласкать ее душу» с такой же страстью, с какой бывшие любовники ласкали ее тело...

Но когда шли репетиции «Лукреции Борджиа», этого всего поэт, естественно, еще не знал. Молодая женщина глядела на него с каждым днем все призывнее, что не могло не взволновать Виктора, но это не мешало автору тщательно наблюдать за постановкой пьесы. Вечером в день премьеры почитатели «Эрнани» заполнили зал и обеспечили спектаклю полный триумф. Большую роль в этом, конечно, сыграли мадемуазель Жорж и Фредерик-Леметр, но глаза Виктора были обращены только к принцессе Негрони, которую играла Жюльетта. Она была королевой красоты, актрисой не очень блистательной, но критики были ею очарованы и не поскупились на похвалы, и Виктор торжествовал. Каждый вечер он приходил в примерную молодой женщины, припадал к ее ногам, упивался ее ароматом и соблазнительностью. Это сказочное создание ждало только знака, чтобы броситься к нему в объятия, но он чувствовал, как его сковывала застенчивость времен первых любовных чувств. Но наконец, 6 февраля, спустя четыре дня после премьеры, он все-таки сказал ей то, что она так ждала,— слова «Я тебя люблю». Еще через несколько дней, в ночь с 16 на 17 февраля 1833 года, как она и обещала, Жюльетта «полностью отдалась ему». Эта «историческая» ночь стала началом любви, продлившейся почти полвека, любви из легенды, в которой, естественно, случались и штормовые дни, но которая была на благо обоим. Жюльетта, ничтожная простолюдинка, воспылав страстью к поэту, вошла в его творчество,

сумела подняться до уровня Виктора. Когда она скончалась, поэт воздал этой замечательной женщине самые нежные почести, написав в качестве эпитафии такие строки:

*На могиле моей отразят, как заслугу великую,
Глубокую память, восторги свидетеля
О любви неудачной, ставшей вдруг добродетелью...*

Та февральская ночь, каковыми бы потом ни были раны, нанесенные Гюго сердцу Жюльетты, навсегда останется в его памяти как самое дорогое воспоминание. Об этом он сам написал спустя восемь лет: «Ты помнишь, любимая? Наша первая ночь... Ничто, даже сама смерть, не сможет заставить меня позабыть о ней. Каждый час этой ночи проходит в мыслях, словно в глазах моей души плывут звезды. Бедный мой ангел, как ты прекрасна и любвеобильна. В ту ночь проходил карнавал. Мы слышали, как весь Париж смеялся и пел... В разгар всеобщего праздника мы с тобой в тиши отмечали свой праздник. Постарайся не забыть, ангел мой, эти таинственные часы, которые изменили твою жизнь. Та ночь была знаком и словно выражением большой и торжественной перемены, произошедшей в тебе. Той ночью ты оставила суету, шум, притворное восхищение, толпу, чтобы приобщиться к тайне, оставаясь наедине со мною и занимаясь любовью».

Для Виктора та ночь стала откровением: Жюльетта оказалась именно той любовницей, о которой он всегда мечтал. Ее чувственность соответствовала его желаниям, она подарила ему удовольствие сладострастия, какого он до той ночи не ведал. Ведь у него была всего одна парт-

нерша — застенчивая и холодная Адель. Он с восхищением любит свою подругу, наслаждается ее совершенными формами, мраморными плечами, здоровым цветом кожи, бриллиантами глаз. Неужели это сокровище принадлежит ему? Его охватило чувство счастья, подобного он до той ночи не знал. В довершение всего оказалось, что ум Жюльетты был настолько живой, насколько она сама была красива. К творчеству своего любовника она проявила неподдельный интерес, любопытство, что так отличало ее от безразличной Адель. Она не ограничилась лишь тем, что стала любовницей поэта: она испытывала восхищение перед его гениальностью, она стала соучастницей его дальнейших успехов. Жюльетта была самой прекрасной из чувственных компенсаций за все переживания, которые пришлось ему испытать в течение последнего года в семейной жизни. С ней он забыл об унижении, что его предпочли другому, что ему был заказан проход в супружескую спальню, что его вынудили соблюдать воздержанность, которая никак не вязалась с его темпераментом. Жюльетта была не просто утешительницей, а доказательством его способности соблазнить женщину. Она дала ему веру в себя, а в этом так нуждаются особи мужского пола...

Наш Виктор был так счастлив, так горд своей победой, что не смог удержаться, чтобы не рассказать о ней всем. Вначале это беспокоило друзей, которые считали его образцом безупречного поведения. Виктор Пави был шокирован этой новостью, но Гюго красноречиво оправдался: «Я никогда не совершал больше ошибок, как в этом году, и никогда до этого не чувствовал себя правым. Теперь я стою намного большего,

чем во времена моей невинности. Некогда я был невинен, теперь же я снисходителен. Это большой прогресс...»

А что же Адель? Как она относилась к тому, что муж гуляет на стороне и у него есть любовница, что он часто отсутствует дома? Она все поняла. Да и как ей было не понять, поскольку она сама продолжала поддерживать любовную связь с Сент-Бевом?! Во время отдыха летом 1833 года семейство Гюго остановилось в Бьевре. Стоило только Виктору уйти из дома, как Адель выбежала на дорогу, где ее в карете поджидал Сент-Бев. Или же они встречались в церквях. Это была безрадостная связь фригидной женщины и маленького беспощадного человечка, поставившего свой живой ум и свой писательский талант на службу сплетням и зубоскальству.

Со своей стороны, Виктор с легкостью отдался своей новой страсти. Вернувшись в одиночестве в Париж, он решил показать Жюльетте то место, где он жил и работал, и пригласил ее в квартиру на площади Руаяль. Это посещение укрепило в душе молодой женщины чувство собственной неполноценности. Превратности жизни вопреки ее воле сделали ее кем-то вроде куртизанки. Шикарная квартира на улице Эшикье, подарки, которые она продолжала получать и принимать от князя Демидова, заставили ее сделать вывод, что она недостойна быть любимой таким исключительным человеком, как Гюго. Это было самым меньшим, что она про себя думала, и самым бóльшим, что ее угнетало. Гюго очень не нравилось, что Жюльетта живет на положении содержанки. Из-за этого между ними возникали ссоры, сцены ревности, которые,

к счастью, быстро утихали под напором их взаимной страсти. Но все-таки двусмысленное положение Жюльетты не могло долго продолжаться. Во всяком случае, именно этого потребовал от нее Виктор. И добрая малышка не стала колебаться: она готова была пойти на любую жертву ради сохранения любви и уважения со стороны своего бога. Она отказалась от шикарной квартиры и дорогих подарков, перестала ходить на праздники, балы, шикарные ужины, где за ней волочились мужчины. Она забросила все платья и украшения, которые получила от других мужчин. Поселилась в скромной квартирке и там с нетерпением ожидала своего господина и повелителя. А пока его не было, скрашивала одиночество переписыванием рукописей поэта, писала ему письма и в них вкладывала всю свою душу. Сердце продиктовало ей великолепные страницы: за пятьдесят лет Жюльетта написала ему более восемнадцати тысяч писем, в которых были самые нежные, самые трогательные признания в любви. На эти проявления страсти поэт отвечал по-своему, записывая в подаренный ею дневник обрывки фраз, возносившие Жюльетту до небес: «На первой странице года я напишу: “Я люблю тебя”, на последней — “Я тебя люблю...” Твои ласки заставляют меня любить землю, твои взгляды вынуждают понимать небо... С тобой твоя красота, твой ум, твое сердце; если бы общество отнеслось к тебе так же, как природа, ты была бы очень высоко. Но не огорчайся, общество не смогло сделать тебя королевой, а природа сделала тебя богиней». В сожителстве они построили свою жизнь как в законном браке. По отношению к Жюльетте

Гюго повел себя и как муж, проявляя время от времени тиранические черты характера, и как любовник. Жюльетта приняла это, приходила в отчаяние, когда он грубил ей, и оказывалась на седьмом небе, когда он говорил: «Я тебя люблю». Эта податливость иногда перемежалась с возмущением, когда Виктор вел себя слишком эгоистично или несправедливо. Но эти «восстания» длились недолго: Жюльетта была счастлива стать рабыней своего любовника, но она была умной рабыней и сознательно решила посвятить свою жизнь, силы, ум и чувственность одному мужчине. В течение полувека, пока длился этот роман — пока смерть их не разлучила,— она соглашалась быть тенью любимого человека, всегда была рядом и в радости, и в горе. Жюльетта жила скромно, поскольку Гюго был жадноват, и даже когда он давал ей деньги, то требовал полного отчета об ее скудных тратах. Она прожила взаперти в убогом жилище, поскольку Гюго был ревнив и не позволял ей выходить в люди без него. Она забыла про элегантные наряды, украшения и кокетство. Гюго настаивал, чтобы старые одежды носились до последней нитки. Поэтому постепенно ее ослепительное лицо стало терять красоту, тело античной статуи пополнело, молодость прошла, но сердце никогда не переставало биться с прежним пылом.

Он тоже любил ее все эти полвека. Пусть даже страсть первых лет уступила место нежности. Он сохранил с ней ту душевную связь, которая устлавливается только со временем. Ни его похождения на стороне, ни испытания, через какие ему довелось пройти, ни осуждение Адель, ни его метания к другим женщинам не смогли отдалить его от нее. Можно даже сказать, что, преодолевая всякий

раз свою слабость, преодолевая приступы своей чрезмерной чувственности, поддаваясь временным искушениям, Виктор Гюго доказал силу чувств, которые он испытывал к Жюльетте.

Если поэт заслуживает того, чтобы его внесли в первые строки списка «великих любовников», то только потому, что после довольно-таки благочестивой юности до самого последнего дня его жизнь была усеяна «случаями». Эти случаи стали происходить уже с первых лет связи с Жюльеттой, но его страсть к ней всегда оказывалась сильнее увлечений. Первыми, кому посчастливилось быть благодетельствованными этим великим человеком, были, естественно, актрисы, они, если можно так выразиться, всегда были у него под рукой... Так, во время постановки «Лукреции Борджиа» мадемуазель Жорж в ходе репетиций поглядывала на автора любовным взглядом. Хотя она была и немолода, но разве ее бывшая любовная связь с Наполеоном не обеспечила ей репутацию вечно молодой? Когда ставилась пьеса «Анжело, тиран из Падуи», ревность Жюльетты стала вызывать Мари Дюрваль. Потом была танцовщица из Оперы мадемуазель Лирон, и мадам Герар, ее личная модистка, которую Жюльетта подозревала в том, что та поднималась по тайной лесенке, которая вела прямо в рабочий кабинет мэтра. Это было очень практичное сооружение, и им пользовались весьма часто. Согласно существовавшему тогда обычаю, мадемуазель Лирон заслужила от своего восторженного поклонника такие стихи:

*Меня послушай, балерина. Наш Господь велик,
Он сотворил и чистую зарю, и твой прекрасный лик,
И все, что может счастье принести, девица...*

Одновременно с этим Виктор, уже давно не заботившийся о своем элегантном виде, чтобы понравиться служительнице Терпсихоры, стал много времени посвящать своему внешнему облику. И за это удостоился насмешек Жюльетты: «Тото¹ затягивает пояс, как гризетка, Тото завивает волосы, как подмастерье портного. Тото похож на манекен. Тото просто смешон».

Потом настала очередь познать прелести потайной лестницы светской даме Эдме де Женетт. Во время первого свидания партнеры слишком кокетничали: Эдма протестовала и говорила, что она честная женщина, но оба знали, чем все закончится. Письмо Гюго к этой даме не дает нам ни на секунду усомниться в дальнейшем развитии событий:

«Однажды утром в мою комнату вошло красивое создание, оно позволило мне сжать ее руки, потом ушло, оставив меня во власти очарования, химер и догадок. Сегодня эта тень стала реальностью, видение превратилось в женщину. Она сообщила мне свое имя и попросила подарить что-нибудь на память. На память! Я бросаю к ее ногам все мои мечтания относительно нее, она может забрать все, что пожелает».

Нетрудно представить, что именно она выбрала... Известная трагическая актриса Рашель²

¹ Именно так Жюльетта называла в моменты близости «своего мужчину».

² Рашель, Элиза Феликс (1821—1858) — великая французская актриса, выступала в «Комеди Франсез», в 1853—1854 гг. совершила большое турне по России, среди ее поклонников оказался и император Николай I. Вела бурную светскую жизнь, ее многочисленные любовные связи живо обсуждались в парижском обществе. Умерла от туберкулеза.

тоже вкусила запретного плода благодаря потайной лесенке. Как достойная представительница классического театра, она долгое время представляла романтическую драму, но когда театр «Комеди Франсез» вписал в свой репертуар пьесу «Лукреция Борджиа», она великолепно в ней сыграла. По окончании спектакля, как рассказывает нам Арсен Усей, бывший в то время администратором театра, Виктор Гюго сжал в объятиях Рашель, как будто он обнимал поэзию... «Будьте осторожнее,— сказала она ему,— вы рискуете понять, что я женщина!»

Он это понял и присоединил актрису к списку своих побед, что дало несчастной Жюльетте новый повод для огорчения. В доме на площади Руаяль никого не принимали, равно как не принимали гостей и в квартире на улице Турд'Овернь. Но и там была возможность тайно пройти в его комнату, которую он описал в очаровательных стихах:

*Смеется нагая Венера в алькове моем
Под бархатом ярким, покрытым чудесным шитьем.
На стенах картины. В лубочном написаны стиле.
Но разуму лучше в таком удивительном мире.
И, птице подобен, манимой в чужие края,
На крыльях тихонько в край снов он уносит меня.*

Актрисы, графини, замужние женщины были далеко не единственными посетительницами этой волшебной комнаты: туда приходили и любезные создания, не отличавшиеся строгостью нравов и добродетелью. Виктор, будучи благодарным и нелицемерным человеком, выражал им свою признательность. И на это у него были

все основания: «Мужчины, которые заняты работой, вынуждены по причине нехватки времени брать первых попавшихся женщин, тех, кого называют грязными, безумными, куртизанками, запятнанными, опозоренными, падшими. Но в этих созданиях живут женщины. В их душах можно встретить деликатность, чистоту, бескорыстность, благородство, смелость, настоящую любовь, истинную добродетель. В них столько же сердечности, душевности и ума, сколько и в светских женщинах. Открытости в них больше, но зато намного меньше стыдливости».

Как ему было не чувствовать некоторую слабость к куртизанкам? Разве до встречи с ним Жюльетта не была одной из них? Разве не любовь к поэту возвысила ее? «Никакая грязь не замажет частицу божью»,— написал он. Он не пропускает ни одной возможности обратиться за услугами к этим «падшим женщинам», которых он вознаграждал по заслугам: господин Гюго всегда считал своим долгом помочь людям, живущим в нищете...

В течение многих лет, предшествовавших государственному перевороту 1851 года, после которого поэт стал легендарным изгнанником, Виктор пользовался большим спросом: посредственная актриса Жозефина Фавиль, осужденная за воровство Элен Госсен, прекрасная незнакомка «готова на все» Натали Рену, авантюристка Лора Депре, совладелица «Комеди Франсез» Сильвани Плесси, выдававшая себя за виконтессу мадам дю Валлон. Не забудем упомянуть о «синем чулке» Луизе Коле¹, очень внимательно следившей за

¹ Коле, Луиза (1808—1876) — французская писательница, ее называли «богиней романтиков». Имела также длительную связь с Гюставом Флобером.

карьерой Виктора, и еще об одной великосветской даме, мадам де Жирарден, искавшей утешения у великого человека от походов своего муженька, всемогущего хозяина газеты «Пресса» Эмиля де Жирардена¹. Тому не повезло с Гюго, поскольку его тогдашняя официальная любовница, одна из самых ярких светских львиц того времени, Эстер Гимон решила внести Виктора в список своих побед над очень известными личностями. Несмотря на то что ему было прекрасно известна бурная жизнь красотки, Виктор с горячностью откликнулся на ее предложение: «Когда я смогу очутиться в Раю? Может, в понедельник? Хотите, во вторник? Вам подойдет среда? Вы опасаетесь за пятницу? А вот я опасаюсь опоздать». И начиная со следующей пятницы Виктор Гюго встал в длинную очередь воздыхателей Гимон.

Куртизанка Алиса Ози также имела впечатляющий список жертв своей красоты, где соседствовали Теофиль Готье² и один из сыновей Луи Филиппа герцог Омальский. Алиса Ози мечтала добиться успеха на сцене, но к тому времени добилась уже успеха в жизни, многие банкиры помогали ей материально: она жила в шикарной квартире, главным ее украшением была кровать из красного дерева... которая была предметом первой необходимости. Пикантности этому новому любовному приключению нашего поэта придавало то, что он был не первым Гюго: Вик-

¹ Жирарден, Эмиль де (1806—1884) — французский журналист, был женат на известной писательнице Дельфине де Жирарден (урожд. Ге).

² Готье, Теофиль (1811—1872) — французский писатель, критик, духовный отец парнасской школы. Наиболее известен его роман «Капитан Фракасс» (1863).

тор приступил к осаде красотки, когда его старший сын Шарль уже вздыхал по Алисе и подчинялся всем ее многочисленным капризам. Однажды она заявила Шарлю, что была бы польщена, если его знаменитый отец написал бы в ее альбоме какое-нибудь стихотворение. Когда Алиса приняла его, Виктор не заставил себя долго упрашивать и с некоторым оттенком игривости, которую при определенных обстоятельствах не стеснялся проявлять, написал:

*В сей дивный час, когда садясь светило принимает
цвет постели,
И небеса вокруг белесым воздухом полны,
Платон хотел узреть Венеру средь волны,
А я б увидеть предпочел Алису в моей постели...*

Не стоит волноваться, дорогой читатель, это желание было выполнено! К огромному огорчению несчастного Шарля, вынужденного уступить место отцу. Сделал он это с разбитым сердцем, поскольку искренне любил эту жестокую женщину. А его родитель считал этот новый роман одним из очередных удовольствий. Действительно, все эти победы проносились по жизни поэта как прекрасные метеоры. Не имея сил противостоять новому соблазну, Гюго отдавался ему тем более стремительно, что женщины, которых он старался соблазнить, также старались соблазнить его. Это происходило потому, что ему, как никакому другому мужчине, было знакомо искусство соблазна и тактика действий. Как же можно было отказать влюбленному мужчине, который говорит и пишет такие прекрасные слова, пусть даже их искренность продиктована сиюминутной страстью?

Его поразительное непостоянство и чувственный голод заставляли искать новых партнерш. Но эти поиски все-таки были ограничены присутствием рядом Жюльетты. Бедная Жюльетта стала затворницей по воле своего повелителя, несчастная не знала про его любовные похождения, но могла себе их представить, но она по-прежнему была любима, не так страстно, как в первые дни, не столь горячо, как ей бы хотелось, но все же довольно сильно и нежно. Такой эгоист, каким был Виктор, даже и не думал разлучаться с ней. Несмотря на многочисленные измены, на подковерную борьбу, которую Адель вела против нее, Гюго понимал, что его судьба была навеки связана с этой замечательной женщиной. Поэтому ему удавалось с легкостью притворяться, и пусть она сожалела о том, что уже не внушает любовнику былой страсти, Жюльетта была счастлива. Каждое посещение великого человека она встречала с волнением юной девушки, ждущей своего сказочного принца. В рамках добровольного заточения у Жюльетты все-таки была некоторая компенсация: во-первых, были три дня, которые парочка отмечала ежегодно с неугасающей радостью,— 17 февраля, годовщина их первой ночи любви, день святой Юлии, настоящее имя молодой женщины было Жюльен, и, наконец, 1 января, когда они подтверждали клятвы, данные когда-то друг другу. Но с особенным нетерпением Жюльетта ждала того момента, когда наступало время их «небольшого путешествия». Во время отпусков Жюльетта получала возможность совершать любовные путешествия за границу, в Германию, Испанию, Бельгию или Голландию. Это были моменты наслаждения, они заставляли

ее забыть одиночество и даже измены Виктора. Была у нее и еще одна радость близкой жизни: несмотря на то что Виктор часто клялся ей, что никогда не любил ни одну женщину, кроме нее, ей хотелось, чтобы эта клятва давалась в торжественной обстановке. Как мог поэт отказать в этом желании женщине, которая дала ему долгие годы безоблачного счастья? В ночь с 17 на 18 ноября 1839 года Виктор и Жюльетта отпраздновали свою «мистическую свадьбу». В ходе этой церемонии Виктор поклялся, что никогда не разлучится с Жюльеттой, и он выполнил свою клятву, хотя и не стал отказываться от своих тайных удовольствий. Да и могли ли для этого человека, влюбленного в любовь, существовать какие-нибудь преграды в исполнении его желаний?

*Дано ли нам повелевать любовью? Друг друга двое
любят почему?
Спроси об этом у журчащего ручья. Спроси у ветра,
что игриво улетает,
Спроси у золотистого луча, что винограда
сочных ягод кисть лобзает,
Спроси у тех, кто песнь поет, зовет и ждет,
и шепчет, и страдает,
Спроси у птиц, которые в апреле в гнезде любовно
начинают ворковать.
И сердце, вдруг отчаянно забившись, ответит:
«Как могу я это знать?»*

С этой февральской ночи 1833 года, несмотря на кризисы и испытания, Виктор и Жюльетта продолжали вписывать все новые страницы в роман любви. Жизнь осыпала поэта почестями: он был избран членом Французской академии,

произведен королем Луи Филиппом в пэры Франции, стал чем-то вроде национального памятника, возбуждая вокруг себя столько же восхищения, сколько и зависти. Эти почести, как и сплетни, не могли не повлиять на жизнь влюбленных: по мере того как ее Тото взбирался по ступеням славы, Жюльетта чувствовала себя отброшенной, приговоренной к жизни в тени и опасавшейся потерять смысл жизни.

Это длительное существование вдали от мирской суеты привело к тому, что она долго не знала о новом любовном романе великого человека. На сей раз речь не шла о случайной мимолетной связи. В начале 1844 года Гюго познакомился с некой молодой блондинкой с призывной улыбкой и влажными глазами. Она охотно играла на своей слабости, а в отношениях с таким мужчиной, каким был Гюго, это было самым надежным способом привлечь к себе его интерес. Урожденная Леония д'Оне, она неудачно вышла замуж за художника по имени Огюст Биар¹ и надеялась встретить родственную душу. Поэт сразу же был соблазнен ее несчастной судьбой и увлекся ею... «Ты ангел, и я целую твои ноги, целую твои слезы... Я люблю тебя еще сильнее, чем это могут выразить мои слова, взгляды и поцелуи... Самая страстная ласка ниже любви, которую я к тебе испытываю...» «Поцелуй, которым ты наградила меня при расставании через вуаль, похож на любовь в отдалении...»

Да, именно такие слова он использовал и в первых письмах к Жюльетте... В этой схожести

¹ Биар, Огюст Франсуа (1798—1882) — французский живописец-жанрист. Много путешествовал, всюду наблюдая природу и народный быт.

есть нечто тягостное, по крайней мере, он сам понимал, что его поведение было достойно осуждения. А Леония рассчитывала извлечь для себя выгоду из увлечения этого прославленного мужчины. Прежде всего она хотела, чтобы он помог ей в литературной карьере, поскольку ей хотелось писать. Кроме того, она надеялась получить от него кое-какие средства на покрытие личных расходов, потому что муж был довольно скуп. Леония нашла неожиданную союзницу в лице Адель Гюго. Законной супруге поэта представился случай утолить злобу, которую она продолжала питать к несчастной Жюльетте. Леония была встречена с распростертыми объятиями на улице Тур-д'Овернь. Обе очень надеялись, что поэт порвет наконец старую любовную связь. Но Виктор остался верен Жюльетте, даже несмотря на бурные сцены, которые ему устраивала новая любовница. И поэтому случился скандал, перипетии которого очень напоминают водевиль. Обманутый муж, господин Биар организовал слежку за женой. В один прекрасный летний день 1845 года любовники были застигнуты на месте неким комиссаром полиции в одной холостяцкой квартире в переулке Сент-Рош. Там они занимались отнюдь не поэзией. Гюго, совершенно обнаженный, закрылся простыней за неимением ничего другого и заявил, что в его положении пэра Франции он не намерен подчиняться полиции. Это дело получило широкую огласку, и Гюго боялся, что его репутация пострадает от этого скандала. И тут в дело вмешался сам Луи Филипп: пригласив оскорбленного мужа нарисовать фрески во дворце Сент-Клу, он убедил его забрать из суда жалобу на супружескую измену. Это дало повод злым язы-

кам утверждать, «что с помощью фресок король замял похождения господина Гюго». К огромному облегчению Гюго, очень скоро волна, поднятая этим скандалом, улеглась.

Но Жюльетта ничего не знала об этом случае и продолжала бы оставаться в неведении, если бы Леония не решила ускорить события и не совершила поступок, не делавшей ей чести: в 1851 году она прислала Жюльетте пачку писем поэта, в которых тот говорил о его страсти к новой любовнице. Жюльетта пришла в отчаяние и сбежала. Гюго был потрясен. Вопреки надеждам Леонии, ни Виктор, ни Жюльетта даже не подумали о разрыве. У Жюльетты даже хватило сил предложить уступить свое место. Но Гюго жертвы не принял, и эта парочка нашла решение, которое очень устраивало поэта: ему были даны четыре месяца на раздумья, чтобы он смог сделать выбор между обеими женщинами. Это было разумное решение, позволившее ему не менять свои привычки. Но события в стране перечеркнули эту приятную комбинацию.

2 декабря 1851 года президент республики Луи Наполеон осуществил государственный переворот, который привел его к власти. Виктор Гюго яростно воспротивился этому. В течение трех дней вместе с горсткой республиканцев, не обращая внимания на опасность, он пытался организовать сопротивление. Все это время, словно тень, Жюльетта следовала за ним, готовая грудью защитить своего Тото от пуль. Именно она достала ему паспорт, благодаря которому он смог выехать в Брюссель и избежать ареста.

Так политика пришла на помощь любви и спасла Жюльетту от опасного соперничества с

Леонией. 31 декабря вместе с поздравлениями по случаю Нового года Виктор прислал Жюльетте вот такое признание: «Ты была восхитительна, Жюльетта, в мрачные и тяжелые дни. Я нуждался в любви, и ты, благослови тебя Господь, мне ее дала. Во время рискованных приключений я слышал, как твоя рука поворачивала ключ в двери, и я больше не боялся опасностей и мрака, что царил вокруг меня,— ко мне входил свет...»

Во время скитаний, сделавших Гюго легендой, Брюссель был всего лишь одним из этапов, равно как позже и остров Джерси. Всякий раз его острые выпады против Наполеона III вынуждали местные власти просить его сменить место жительства, поскольку не хотели портить отношения с новым французским императором. Естественно, Жюльетта повсюду следовала за ним, оставаясь в тени, но принося ему большую пользу. Она поехала за ним и в Гернси, где он купил большой дом под названием Отвиль-Хауз, поскольку понял, что возвращение во Францию откладывалось на неопределенный срок. Он там поселился и выписал туда свою семью, что очень не понравилось Адель. А Леония, хотя и проиграла партию, продолжала просить у Виктора денег, а тот старался выполнять эти просьбы.

Что же касается Жюльетты, то она сняла небольшую квартиру рядом с Отвиль-Хауз. Из окна она могла видеть комнату поэта и наблюдать, как по утрам он занимается туалетом. Законная супруга очень неодобрительно относилась к присутствию соперницы в Гернси, но Виктор и слышать не хотел о расставании с женщиной, которой он был обязан свободой. Недавние опасности укрепили их связь, о чем

свидетельствует это поразительно страстное письмо: «Недавно я оказался в одиночестве в твоей комнате, любимая, и знаешь, что я сделал? Я поцеловал твои туфли (*sic*) и попросил их всегда вести тебя только дорогой любви ко мне...»

Но если Гюго хотел этим показать Жюльетте силу своей любви, он и сам стал предметом подобного обожания. И не кого-то простого! Высокопоставленная дама, графиня Сакс-Кобургская, в 1852 году однажды прислала ему вот такое, по меньшей мере нескромное послание: «Мои губы касаются ваших ног. Какое счастье! Я хотела бы омыть ваши ноги, обрызгать их духами и вытереть своими волосами».

Как видно, ссылка не положила конец подвигам этого влюбленного в любовь мужчины. Но стоит отметить, что большинство его побед были одержаны над домашней прислугой. Выбрав себе спальню на последнем этаже Отвиль-Хауз, он разместил субреток в комнате рядом, так сказать под рукой.

Читая его личные дневники, мы понимаем, сколь огромен был аппетит мужчины, чей возраст не мог унять потребности в любви. В течение семнадцати лет, проведенных в Гернси, мы видим вереницу женских имен, занесенных в качестве побед. Звались ли они Марией, Розали, Жанной, Коэлиной, Евой или Софией, каждая из них заслужила право быть упомянутой в нескольких строках оценки, написанных поэтом из предосторожности на испанском языке с указанием дат их «потребления». Перечислить их всех не представляется возможным по причине большого числа пожелавших ответить на его любовный призыв. Они также получали какие-то вспо-

моществования, ибо поэт был щедр в отношении тех, кто скрашивал его ночи. В качестве примера приведем одну новую служанку-фламандку, которая ни слова не понимала по-французски... но которая, очевидно, почувствовала, что хотел от нее хозяин, поскольку заслужила такую аннотацию на языке Сервантеса: «Bis! Tota Johanna».

Занятия любовью со служанками, как бы часты они ни были, все же оказывались недостаточными для того, чтобы удовлетворить желание этого неустанного любовника. В его меню мы видим сплошную мешанину: явившаяся к нему с визитом жена архитектора из Кальвадоса; молодая соседка виолончелистка Элен де Катов, чей муж постоянно отсутствовал дома — это с его стороны было крайне неосторожно, поскольку рядом был Виктор Гюго; многочисленные почитательницы его таланта, приходившие внезапно и удостаивавшиеся «почестей» от мэтра; девица Арман, мадам Шерон, вдовствующая мадам Видаль... И опять-таки, невозможно перечислить их всех, количество завалило бы читателя. Можно понять, что эти удовольствия, полученные в саду греха, вдохновили поэта на написание «Песен улиц и лесов»¹:

*Юбка, я думаю, вверх поднималась
Пальчиком нежным любви.
То, что повыше колен показалось,
Очи увидеть смогли...*

Жюльетта прекрасно знала своего Тото. Она-то понимала, что все эти служанки жили рядом с

¹ Виктор Гюго. Песни улиц и лесов (сборник стихов, 1865).

ним вовсе не случайно, а были скорее легкодоступными плодами. Но Виктору было достаточно написать ей несколько стихов или письмо, чтобы в ее по-прежнему страстно бьющемся сердце снова наступало умиротворение:

*Когда в любви стареют нежные сердца,
Их радости и счастья нет конца.
Любовь небесная! Ее судьба благословляет!
Она лучится, пусть и не пылает.*

или когда он с прежней страстью прославил ежегодно отмечаемую дату ее рождения:

*Май специально для тебя принарядился,
Украшившись цветами, светом дня,
И розы славили твою красу, которой я гордился,
А солнце — душу... Ты — вся жизнь моя...*

Новым источником счастья становились для Жюльетты те дни, когда Гюго поручал ей переписать начисто рукописи своих написанных в изгнании произведений. Персонажи и события романа «Отверженные»¹ захватили ее и помогли скрасить время между визитами возлюбленного. Кроме того, время от времени парочка уезжала из Гернси на одну из тех вылазок, которые были для Жюльетты чем-то вроде «свадебного путешествия». Да, милая Жюльетта имела право получить компенсацию за то, что так долго терпела любовные выходки этого божественного мужчины... В течение последовавших лет Виктор то оживлял, то охлаждал их отношения. После

¹ Виктор Гюго. Отверженные (роман, 1862).

смерти Адель поэт предложил Жюльетте выйти за него замуж, но она с большим достоинством отказалась, поскольку не желала занимать место «дорогой усопшей». Но это не мешало ей вести себя как жена-тиран и следить за всеми словами и поступками того, кого она любила. По правде говоря, поводов для этого у нее было предостаточно. После крушения империи, когда Гюго вернулся в Париж после восемнадцатилетнего изгнания, в первых рядах приветствовавшей его толпы стояла одна совсем юная двадцатилетняя женщина. Это была Юдифь, дочь Теофиля Готье¹. Несмотря на почти полувековую разницу в возрасте, Виктор без особого труда завоевал ее. Все это у него получалось, потому что в разговорах с женщинами он использовал слова восхищения. Так, во время осады Парижа, когда парижане голодали, он пригласил Юдифь на ужин, но красотка не смогла прийти. И тогда он написал ей такое четверостишие:

*Когда бы вы ко мне пришли, о, божество!
Я б угостил вас тем, что не вкушали люди:
Я бы убил Пегаса и сварил его,
Чтобы подать вам крылышко коня на блюде.*

Другой юной красавицей, которая не смогла не поддаться чарам старого фавна, была Сара Бернар. Во время новой постановки пьесы «Рюи Блас»², где актриса играла роль королевы Испании, она познакомилась с «любимым монстром», как Бернар его назвала. И вскоре испытала на се-

¹ Готье, Юдифь (1850—1922) — французская писательница, рано посвятила себя изучению японского языка и литературы, много переводила.

² Виктор Гюго. Рюи Блас (стихотворная драма, 1838).

бе его очарование. Виктор знал, как себя повести. Свидетельством тому может служить записка, которую он ей написал наутро после премьеры: «Вы взволновали меня, старого бойца, и пока публика, которую вы разжалобили и очаровали, хлопала вам, я плакал. Эта слеза принадлежит вам, и я кладу ее к вашим ногам...» К записке была приложена коробочка с браслетом, на котором висела бриллиантовая слеза.

Результат не заставил себя долго ждать, и молодая женщина — в то время Саре было двадцать восемь — сдалась на милость победителя. Но тут случилось интересное событие: спустя несколько недель она обеспокоенно сообщила поэту, что беременна. К счастью, это оказалось ложной тревогой, и Гюго, как обычно, записал по-испански в своем дневнике: «El niño no sera hecho!»¹

В годы особенно бурной старости Виктор одержал и другие победы. Пусть менее значительные, но ставшие не менее дорогими для его сердца. Начиная с актрисы Мари Мерсье, ставшей вдовой в восемнадцать лет после расстрела версальцами мужа-коммунара. Алиса Гюго, невестка поэта, наняла Мари в качестве кастелянши во время проживания семейства в люксембургском городке Виан. Молодая Мари тут же была соблазнена. «Никто не говорил мне таких очаровательных слов, которые утешают и восторгают душу...» — сказала она позже. Она сопровождала его во время прогулок по Медвежьей долине. У Жюльетты для таких прогулок уже не хватало сил, и она смирилась с тем, что с ним гуляет другая. Присутствие рядом молодой Мари вдохно-

¹ Ребенка не будет.

вило поэта на стихи, которые показывают, какими на самом деле были отношения между девушкой и этим исключительным стариком:

*Она ступала тихо, величаво; вуаль ее не закрывала красоты.
Вились, как волны, волосы; глаза, как звезды яркие,
сверкали с высоты.*

*И в сказочном лесу она казалась виденьем,
дивным образом мечты...*

Мари до самой смерти поэта любила «божественного чаровника с седыми волосами», как она его называла. И в течение долгих лет этот великий человек регулярно навещался в пригород Шарон, где жила его нимфа с верным сердцем...

Вскоре дни поэта осветила еще одна весенняя улыбка. Жюльетта лично наняла молодую девушку по имени Бланш — той было двадцать четыре года, — чтобы та переписывала рукописи поэта, поскольку зрение уже не позволяло заниматься этим лично. Бланш имела образование, намного превосходившее ее работу. Она была красивой брюнеткой, обладала природной элегантностью и импульсивным умом. К этому добавилась большая чистота чувств. Она оказаась еще и девственницей и намерена была ею оставаться. Несмотря на то что известный соблазнитель увлекал ее, она оставалась неприступна из чувства уважения к Жюльетте и самой себе. Это вдохновило Виктора на написание такого стихотворения:

*Бурлили души наши, как вулкан средь скал,
Она шептала мне «меся...», «мадам» я ей шептал.
Мы молча думали, творцы и жертвы сцены той,
И наши души наполнялись чистотой.*

*Родник о чем-то бормотал под ивой,
Я видел лишь плечо, открытое изгибо.
Не знали, как и где, ни я, и ни она сама.
О, поздняя весна, как сводишь ты с ума.*

Как и все другие, юная Бланш в конце концов сдалась и подарила поэту свою невинность.

Когда Жюльетте открылась истина, случилась трагедия. Подобно позыву души молодой обманутой любовницы, старая подружка решила уйти, а Виктор, как юный любовник, бросился вслед за ней. После пятидесяти лет легендарной любви он не кривил душой, когда написал:

*Когда тебе я говорю: «Благословляю»,— это небо.
Когда тебе желаю: «Сни спокойно»,— говорит земля.
Когда произношу: «Люблю»,— знай, это точно я.*

А Жюльетта в своем последнем пожелании, адресованном ему 1 января 1883 года, снова показала, что ее чувства были достойны этого гениального мужчины: «Любимый, не знаю, где я в это же время буду находиться, но я счастлива и горда тем, что могу подписаться под моей жизнью словами: “Я тебя люблю”».

Жюльетта умерла 11 мая 1883 года, а Виктор последовал за ней в могилу двумя годами позже:

*Возьми же жизнь мою, Господь,
Ни часа и ни дня нет ждать причины:
И что мне делать в ожидании кончины?*

Это он воскликнул в тот момент, когда Жюльетта уходила в мир иной.

Он, несомненно, знал, чем был обязан этой простой девушке, которая всю жизнь жила его жизнью. Дошел бы он до таких высот, если бы его не охранял этот нежный ангел? Неизвестно. Во всяком случае, он так красиво воспел любовь и женщин только благодаря Жюльетте:

*Зачем же женщины, я не могу понять,
Жеманничают так, чтобы прикрыть
Очарование души, они боятся показать
Нам то, что позволяет их любить.
Ведь им по божьей милости дано
Красавицами быть и увлекать
Мужчину, сердцем понимая то,
Что ум отказывается воспринять.
Их красота, души мужчин касаясь,
Умеет пасть и гордой снова стать,
Рабыней быть, царицей оставаясь,
Умеет все отдать и все забрать.
Но в глубине души они не злые, нет,
А их любовь, как песня, льется из гнезда,
Знакомясь с женщиной, ее возносишь, как поэт,
Прощаясь с ней, ты плачешь иногда.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
I. Виктор Гюго, человек, «влюбленный в любовь»	9
II. Франциск I любил «любезных» женщин	63
III. Чарующий Морни	91
IV. Галантный Генрих IV	124
V. Ги де Мопассан, милый любовник	171
VI. Людовик XV, горячий любовник	214

- VII. Альфред де Мюссе,
бедовый ребенок 250
- VII. Наполеон III
и его «маленькие забавы» 286
- IX. Бальзак, любитель невозможного 324
- X. Людовик XIV, под солнцем любви 361

Литературно-художественное издание
Серия «История любви в истории»

ДЮФРЕН КЛОД

ВЕЛИКИЕ ЛЮБОВНИКИ

Перевод с французского В. В. Егорова

Ведущий редактор серии *Н. В. Комарова*
Художественное оформление: *А. Б. Архутик*
Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.01.2011 г.
Формат 84×90/32. Гарнитура «Miniature».
Печ. л. 12,5. Тираж 1500 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru